

Ж.Г. Сон

**Союз ССР в 1930-е годы: добровольное и принудительное переселения
на примере корейцев**

**USSR in the 1930s: voluntary and forced resettlement based on the example of
the Koreans**

В сообщении представлен анализ политики переселений в дореволюционной России и в Союзе ССР на примере добровольного переселения корейцев в Русский мир с 1864 г. до насильственного переселения в 1937 г. с территории советского Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию. Показан процесс перехода добровольной переселенческой политики СССР в принудительную. Проблемы решения политической стабильности в непосредственной близости к государственной границе на Дальнем Востоке.

The report presents an analysis of the policy of resettlement in pre-revolutionary Russia and the Soviet Union on the example of the voluntary resettlement of Koreans to the Russian world from 1864 to the forced resettlement in 1937 from the territory of the Soviet Far East to Kazakhstan and Central Asia. The process of transition of the voluntary resettlement policy of the USSR into a compulsory policy is shown. The problems of solving political stability in close proximity to the state border in the Far East.

Переселение как процесс, из одного места жительства в другое в любой интерпретации принудительное оно или добровольное является для человека не только тяжелым физическим, но и морально-психологическим испытанием. Статья посвящена анализу политики переселений как добровольных, так и принудительных, имевших место как в Российской империи, так и в Союзе ССР.

Дело в том, что исследователи принудительных переселений народов СССР в период сталинского правления рассматривали только период принудительного переселения народов, без рассмотрения предыстории самого переселяемого народа. В представленном сообщении сделана попытка на основании анализа новых архивных материалов и документов о добровольном переселении корейцев в Россию, начавшееся 150 лет назад, автор предлагает взглянуть на процесс переселения в целом как единый

процесс с точки зрения восприятия переселенцев принимающей стороной – Российской империей и СССР.

Дореволюционный период

Переселение народов характерно для многих стран мира. Политика добровольных и принудительных переселений в нашей стране имеет свою предысторию. Массовое переселение народов в границах Российской империи началось в конце XVIII в., в литературе значится как «Великое переселение народов России». Процесс переселения русских народов был инициирован Царским двором его императорского величества для благих целей государственного строительства в Империи.

Программа переселения, начиная с переселения христиан из Крыма в Новороссию, Черноморских казаков из Малороссии на Кубань и коренного населения Центра России в Сибирь и на Дальний Восток осуществлялась комплексно в рамках единого замысла.

Прежде всего, переселение в России происходило в границах Российской империи и имело свои национальные особенности, характерные только для русского народа и сильно отличавшиеся от массовых переселений в других регионах мира. Проводимая государством колонизация вызывала коренные экономические, демографические, социальные и культурные перемены в жизни аборигенных народов. Она часто сопровождалась вытеснением местного населения с лучших хозяйственных территорий и нарушением традиционных систем природопользования. Все это не могло не отражаться на жизни населения. Особенно тяжёлые испытания выпадали на долю кочевников-скотоводов (башкир, калмыков), у которых часто отчуждались пастбищные угодья и т.д.

Интересы Императорского Двора и крестьянства совпали и соединились в общую идею: у государства были в наличии необъятные, пустующие плодородные земли на окраинах Империи и одновременно – перенаселённые центральные губернии империи с деградирующими и уставшими почвами.

На этом основании переселение корейцев из соседней Кореи на пустынные земли Приморской области приветствовалось и поощрялось со стороны российских властей. 27 апреля 1861 г. Александром II был утвержден законопроект «О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» [5, С. 682].

Закон был принят с целью освоения пустынных земель русского Дальнего Востока, отошедших к России после подписания Айгунского и Пекинского договоров с Китаем. Русским и иностранцам, желающим поселиться в Амурской и Приморской областях, при условии переселения за свой счет, предоставлялось право выбора свободных участков казенной земли во временное владение или в полную собственность в размере до 100 десятин на семью. Они освобождались от подушных податей навсегда, от воинской повинности – на 10 лет и от платы за пользование землей – на 20 лет.

Миграция корейцев в Россию началась в 60-х годах XIX в. задолго до установления официальных отношений Российской империи с Корейским государством. Двадцать лет до подписания Торгового договора между Россией и Кореей (25 июня / 7 июля 1884 г.) корейцы с официального разрешения Российского императора (1864 г.) проживали в Приморском крае.

В выписке из отчета Генерального штаба капитана Гельмерсена о поездке в гавань Посьета в 1865 г. отмечается, что «... В хозяйственном отношении корейцы сделали огромный успех со времени прихода в долину Тизинхе и в прошлую зиму все старые переселенцы были обеспечены хлебом и некоторые помогали даже новым, которые жили у них сначала работниками» [17].

Однако в документе четко обозначены проблемы, которые могут возникнуть в скором будущем: «До тех пор пока в крае нет собственной русской жизни и все население состоит из служащих, офицеров и солдат, необходимо иметь над корейцами систематический надзор, чтобы не дать им замкнуться в своем кружке и привыкнуть к совершенной бесконтрольности –

неизбежному следствию того, что местные власти, не зная ни языка их, ни обычаев, не будут уметь управлять ими и должны во всем полагаться на старшин и переводчиков» [там же]. С точки зрения защиты государственных интересов на пограничной территории вполне справедливое замечание.

Со стороны русских властей наиважнейшей задачей стояла скорейшая ассимиляция иммигрантов из Кореи, с целью уменьшить внешнее влияние и близость отечества, чтобы не создать себе внутреннего врага около самого важного пункта побережья [17]. Для осуществления этой цели решалась задача развития школьного образования. Первая школа для детей корейских переселенцев была организована в 1866 г. на средства, выделенные генерал-губернатором Восточной Сибири М.С. Корсаковым.

К концу XIX в. российские власти были озабочены тем, что земли близ границы с Кореей и Китаем густо заселены корейцами. С одной стороны, российские власти одобряли переселение корейцев в Россию. В письме директора Азиатского департамента МИД России П.Н. Стремоухова читаем: «Мы можем только радоваться увеличению населения (о корейцах – прим. Ж.С.) в наших пустынных областях, и при том такого населения, которое своим трудолюбием и склонностью к хлебопашеству и другим отдельным занятиям подает лучшие надежды к скорейшему водворению прочного гражданского благоустройства в том краю» [1].

Причина озабоченности заключалась в следующем: «... покорнейше прошу вас в случае разрыва между Японией и Кореей, согласно полученным мною указаниям из С.-Петербурга, держаться строгого нейтралитета» [14], говорится в предписании генерал-губернатора Восточной Сибири Н.П. Синельникова военному губернатору Приморской области о расселении корейцев. Согласно этому предписанию корейцев надо было расселять в Уссурийском крае не близ границы и не сплошными массами между русскими деревнями.

Содержание документов Архива внешней политики Российской империи, а также документы Российского государственного исторического

архива Дальнего Востока убедительно доказывают насколько сложны были отношения с Китаем и особенно с Японией. Россия старалась соблюдать нейтралитет и во избежание каких-либо инцидентов с последней, предпринимала меры по расселению корейцев вдали от границы. Уже в 1872г. корейцев отправляли на Амур и принимали меры по ограничению иммиграции на территорию России.

Была еще одна существенная причина для переселения корейцев вглубь страны, о чем сообщается в Отношении генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина министру иностранных дел Н.К. Гирсу о предполагаемом переселении корейцев в Россию в связи с государственным переворотом в Корее, в частности, об их расселении на реке Сучан и в окрестности Хабаровки. В этом документе читаем, что «... крайнее неудобство иметь на границе с Китаем и Кореей поселенцев не воинственных, робких, не способных к энергичному отпору и требующих особого с нашей стороны охранения в то именно время, когда, в сущности, надо будет употребить все наши силы против врага» [2].

Таким образом, российскими властями усматривается несколько причин для отселения корейцев с приграничной зоны Российской империи. Отсутствие финансирования с целью переселения иммигрантов вглубь страны затягивала этот процесс, а с началом русско-японской войны еще более усугубилась, корейский люд шел через границу в Россию беспрепятственно. Шли калеки, всякий сброд корейских мошенников и бродяг, бежавшие от строгого надзора своих новых покровителей – японцев [16]. Российским властям не хватало людских ресурсов не только для охраны границы, но и приставов для контроля и надзора за иммигрантами.

В своих докладных записках чиновники докладывали, что японцы свободно манипулировали беднейшим классом корейского населения и спокойно проводили своих японцев-шпионов, переодетыми корейцами, а также шпионов-корейцев из корейских подданных. На это дело, отмечали они, японцы денег не жалели, привлекали на свою сторону полуголодных

корейцев, тем самым подготавливая на российской земле довольно прочную связь с местом своего дела из Кореи [Там же].

Также российским властям было известно, что в Корее образовалось утвержденное правительством японское общество, имеющее целью содействовать переселению корейцев в Уссурийский край. Затем выдача паспортов корейцам на выезд в Маньчжурию обставлена разными затруднениями, между тем, как направляющимся в наши пределы паспорта выдаются беспрепятственно [15].

Несовершенство миграционной политики Российской империи, отсутствие соответствующих законов об иностранцах, о паспортной и налоговой системах затрудняли работу по контролю и регулированию прибывающего корейского населения, требовали скорейшего решения этих вопросов.

В другом документе констатируется, что вдоль нашей границы с Китаем и Кореей устроилось корейское население в 8768 душ обоого пола и детей. Это корейское население, в виду общеизвестной политической неблагонадежности корейцев, должно подлежать, по политическим соображениям, удалению от границы, по мере возможности и средств, в глубь страны и чем скорее эта мера будет приведена в исполнение, тем удобнее и с меньшими затратами казны сие возможно будет выполнить ¹.

Военный губернатора Приморского края Омельянович-Павленко предлагает способ и порядок переселения корейцев на новые места. Понятна озабоченность российских чиновников наплывом разношерстного корейского населения, выходцев из низших социальных слоев, на которых нельзя было положиться в случае столкновений с Китаем, казаки оказались бы меж двух враждебных сил, с одной стороны вооруженного неприятеля, с другой, «мало подданных» корейцев. Русские отмечали, что «неблагонадежность» корейцев связана с традиционной преданностью и поклонением их Китаю.

¹ РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 1. Д 94. Л. 4–17.

В 1908 г. Особое межведомственное совещание под председательством товарища министра внутренних дел С.Е. Крыжановского внесло в Государственную думу законопроект «О мерах против наплыва в Приамурский край китайцев и корейцев». Основным автором проекта был Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер. Его суть заключалась в учреждении на Дальнем Востоке России сильной иммиграционной службы со значительным расширением штата, работающих в этой сфере и установлении строжайшего визового и паспортного контроля над корейскими и китайскими временными иммигрантами.

Таким образом, в Российской империи с 1884 г. вопрос об отселении корейцев с приграничных территорий стоял остро. Российскими властями проводилась политика безопасности и защиты государственных интересов в приграничных пространствах на Дальнем Востоке. От корейцев не отказывались, им предлагали переселяться добровольно в глубь России, только отсутствие финансовых средств тормозило этот процесс, а за свои средства корейцы не желали переселяться. Более того, как только заходила речь о переселении в районы р. Амур, корейцы покидали Россию и переселялись в Маньчжурию.

Всесоюзный переселенческий комитет СССР

После революции и во время гражданской войны в России начались стихийные массовые переселения. Для регулирования этих потоков руководством страны в 1924 году был создан Всесоюзный Переселенческий Комитет при ЦИК СССР (ВПК) [7].

Деятельность этой организации, по нашему мнению, не представлена подробным образом в российской, советской историографии, зачастую игнорируется исследователями, делающих главный акцент на принудительные переселения в СССР. Фактически эта организация продолжала осуществлять миграционную политику царской России.

Одновременно с Всесоюзным переселенческим комитетом СССР (ВПК СССР) существовал Переселенческий отдел при Главном Управлении лагерей НКВД СССР (ГУЛАГ НКВД СССР), на который возлагалась задача по заселению и созданию сельскохозяйственной базы в районах строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, а также в других главных стройках Советского Союза. 10 июня 1936 года постановлением Советского правительства ВПК СССР был передан в ведение НКВД СССР. В связи с этим был образован Переселенческий отдел НКВД СССР, просуществовавший до 1939 года. Главное переселенческое управление СССР занималось переселением населения вплоть до 1953 года [Там же].

Главной задачей пятилетнего плана переселенческих мероприятий (1928/29 – 1932/33) определялась переброска населения на Дальний Восток, Казахстан и Сибирь. На эти районы планировалось израсходовать 85,5% государственных кредитов, предназначенных для этих целей [Там же]. Однако из-за раскулачивания, коллективизации и последовавшего вслед за этими процессами массового голода, вносились коррективы, переселение населения проводилось в районы Поволжья, Азово-Черноморского края, Сибири, Дальнего Востока, Бурят-Монгольской и Якутской АССР [Там же].

Для обоснования целей и задач переселенческой политики, ВПК СССР осуществил огромную работу. Фактически была исследована вся территория СССР, определены малонаселенные и густонаселенные регионы, географическое и политическое положение, наличие свободных земель и необходимость их использования. Также были определены районы выхода переселенцев и районы вселения, порядок финансирования переселенческих мероприятий [9] и др. В первую очередь ВПК поручалось в ближайшие годы заселить малонаселенные районы Дальнего Востока, Средней Азии, Сибири, Карелии.

Над проведением мер по переселению устанавливался жесткий контроль. Население было разделено на плановых и неплановых переселенцев, что

естественно упрощало работу. Переселенцы получали специальный билет, разрешающий проезд до места поселения. Там их обустроивали, оказывали первоначальную финансовую помощь в виде кредитов и ссуд. Зачастую переселенцы, получив кредит или ссуду от государства, не в состоянии были оплатить его вовремя. Причиной были длительная адаптация к новому месту жительства, необустроенность, неурожайность посевов и многие другие факторы.

Советское правительство выделяло огромные средства для заселения многоземельных районов. Однако эти средства зачастую не доходили до переселенцев. Органы власти мест вселения не всегда были готовы к принятию новых граждан; жилье очень часто отсутствовало или не было пригодным для проживания. Поэтому многие из переселенцев возвращались на прежнее место проживания, нужда толкала их к переселению в города, на большие стройки [11].

К категории плановых переселенцев относились крестьяне-красноармейцы. Именно их зачастую в приказном порядке отправляли в места заселения. При хозяйственной разверстке на 1927 / 28 год на Дальний Восток было намечено переселить из губерний РСФСР (Курской, Тамбовской, Орловской, Воронежской, Пензенской, Брянской, Смоленской и др.) 26 600 чел., с Украины – 24 000, Белоруссии – 5 000 человек. Однако дефицит финансовых средств не позволил полностью выполнить запланированную акцию.

В 1926–1927 году из 42 000 ожидавшихся переселенцев в регионы прибыло только 13 005 человек, а заселилось на выделенных участках 11 640 (27, 7 % плана). В эти же годы водворилось 27 987 человек, в 1927 – 1928 году – 36 091, обратничество (возвращенцы) в эти годы составило 16, 4 и 20 %, а за первое полугодие 1928 – 1929 году – 45,7 % [4].

По оперативному плану Народного комитета по землеустройству СССР (Наркомзем СССР) переселения на 1931 год СНК СССР постановил: «В Дальневосточном крае поселить и хозяйственно устроить 10 000 семей (35

000 чел.) сельхозпереселенцев демобилизованных красноармейцев. Кроме того, произвести в Дальневосточном крае подготовительные работы для переселения 15 000 семей (52 500 чел.) переселенцев демобилизованных красноармейцев в 1932 году». На эти мероприятия выделялись финансы в размере 24 млн. 489 тыс. руб. Всего по Союзу планировались расходы в сумме 60 057 900 рублей[13].

Переселенцы получали от ВПК «безвозвратные» ссуды и «возвратные» кредиты. Тяжелое экономическое положение толкало крестьян к переселению. В подавляющем большинстве причиной переселения являлись «безвозвратные» ссуды. Переселенцы, получив их, зачастую, не доезжали до места назначения, распорядившись полученными средствами по своему усмотрению. Кроме того, оставался большой процент обратничества (возвращенцы), фактически, до 40 % переселенцев, не приживалось на новых местах [Там же].

Причины так называемых «возвращенческих тенденций» заключались не только в неподготовленности местных властей к принятию переселенцев, но и в человеческом факторе. После раскулачивания и сплошной коллективизации местное население в большинстве случаев было агрессивно настроено к переселенцам, всячески препятствовало принятию «чужих», нередко звучали угрозы расправы. Трудно контролируемый наплыв людской массы в те или иные районы страны, в составе которых присутствовали лица разной национальности, разных социальных слоев не поддавался организации и контролю. Все эти факторы обостряли межнациональные отношения между местными и «чужими».

В конце 1920-х годов по всей стране, в том числе и на Дальнем Востоке, развернулась «кампания борьбы с национализмом». Одной из причин, разжигания и обострения местного национализма, являлась не только, как считают многие исследователи, политика «коренизации», но и переселенческая политика, проводившаяся в плановом порядке на территории всего Союза ССР. С прибытием переселенцев на Дальний Восток

из Центральной России корейцы для них становились иностранцами, возникали стычки на национальной почве.

К 1930-м годам проблемы национализма достигли наивысшей степени разгула, когда на каждом заседании ВЦИК и СНК СССР приходилось разбираться и выносить решения практически по всем регионам страны. Так, в постановлении ВЦИК от 20 апреля 1930 года указывалось: «Дальневосточному крайисполкому в области национальной политики обеспечить вместе с хозяйственным, политическим развитием всего края последовательное проведение национальной политики и всестороннее обслуживание национальных меньшинств» [3].

Однако подобная мера не привела к ожидаемым результатам, и властям пришлось принимать более активные действия после состоявшегося в июне – июле 1930 года XVI съезда ВКП(б), призвавшего бороться против двух основных уклонов в национальном вопросе – «великодержавного шовинизма как главной опасности местного национализма».

В Приморье эта кампания проводилась под флагом борьбы с притеснениями восточных иммигрантов. В ней участвовали партийные и советские органы, прокуратура, местная периодическая печать, которые вскрывали факты негативного отношения к китайцам и корейцам.

Восточные рабочие по сравнению с русскими находились в неравных экономических условиях, получали меньшую зарплату за равный труд, выполняли более тяжелую и непривлекательную работу. Они хуже, чем российские рабочие, обеспечивались одеждой, обувью, питанием, жильем. Кроме того, отмечалось пренебрежительное и грубое отношение к ним, унижение личного достоинства [19].

21 июля 1930 года ВЦИК и СНК приняли постановление «О практическом проведении национальной политики в Дальневосточном крае в отношении китайцев и корейцев». В соответствии с этим документом через суды дальневосточного региона в 1930 году рассматривалось 123 дела, и было возбуждено еще 88 дел по поводу ущемления материального,

культурно-бытового и политического обслуживания восточников, судебные процессы в Ольгинском, Посъетском, Сучанском районах [20].

Организовать и обустроить массы людей по национальному признаку на новых, необжитых местах было практически невозможно. В условиях тяжелого экономического кризиса, повсеместного голода, отсутствия жилья и неподготовленности земельных угодий, создавалась почва для национальных конфликтов между переселенцами и местными жителями.

По этой причине в 1930 году советское правительство временно прекратило плановое переселение крестьян на Дальний Восток. Было принято решение в дальнейшем отказаться от индивидуального переселения и перейти к переселению компактных колхозных коллективов, артелей.

Обратничество (возвращенцы), составило в 1933–1934 году 65, 8 %, в 1935 году – 17 %, а всего за три года деятельности ВПК – 57 %, привело к потере десятков миллионов рублей государственных средств. Система работы ВПК была построена таким образом, что ограничивалась лишь процессом переселения от места выхода переселенцев до мест вселения, а также расходом средств, выделенных правительством в порядке безвозвратной ссуды переселенцам: на перевозку их по грунтовым и железным дорогам, питание в пути следования. Сумма затрат за 3 года составила 69 785 300 руб., из них безвозвратные ссуды были выданы на сумму 29 402 800 рублей [Там же].

Основные вопросы переселения: подготовка жилищ и хозяйственных зданий для переселенцев, их бытовое устройство, культурное обслуживание, медицинская помощь, устройство детей в школы, организация дошкольных учреждений, детских яслей, контроль над расходом строительных материалов, отпущенных местным организациям для переселенцев и т.п. – возлагались на местные районные организации и на колхозы, в которые вселялись переселенцы.

ВПК СССР финансировался из Госбюджета на содержание аппарата в центре и на периферии и Наркомфином СССР через Сельхозбанк на расходы по переселению.

Финансовые затраты ВПК СССР на переселение (1933 – 1936)

Период	Затрачено средств			
	возвратные	безвозвратные	содержание аппарата	итого
1933 – 1934	35 374 300	14 002 400	963 934	50 340 634
1935	2 508 200	5 150 400	737 129	8 395 729
1936	2 500 000	10 250 000	938 583	13 688 583
итого	40 382 500	29 402 800	2 639 646	72 424 946

Источник: РГАЭ. Ф. 5675, оп. 1., д. 165, л. 47.

Затраты на одно хозяйство (1933 – 1936)

Районы вселения	год	Затраты на одно хозяйство		
		возвратные	безвозвратные	всего
Азово-Черноморский край	1933–1934	198	1 544	1 742
УССР внутрикраевые и извне	1933–1934	252	277	529
ДВК	1934	197	2 877	3 074
Восточная Сибирь	1935	1 013	392	1 405
Восточная Сибирь (планир.)	1936	1 624	500	2 124

Источник: РГАЭ. Ф. 5675, оп. 1., д. 165, л. 47.

Если в 1933–1934 году расходы на возвратные кредиты превышали безвозвратные, то в 1936 году расходы на безвозвратные ссуды выросли почти в четыре раза. По ДВК в 1934 году расходы на одну семью составляли 3 074 руб., из них безвозвратные – 2 877 руб., а возвратные – 197 руб. Данные цифры говорят о том, насколько низок был процент желающих переселиться на Дальний Восток.

Несмотря на неэффективность переселенческой политики, Центр планировал продолжать переселение и на 1936 год госбюджетом предусмотрено финансирование в сумме: безвозвратных ссуд – 26 млн. 650 тыс. руб. и возвратных кредитов – 31 млн. 100 тыс., всего – 57 млн. 750 тыс. рублей [12].

В 1936 году ВПК СССР намеревается переселить 30 000 хозяйств в следующие районы: ДВК – 3000, Восточная Сибирь – 6 000, Челябинская обл. – 6000, Омская – 3000, Свердловская – 5000, Куйбышевский край – 2000, Саратовский – 5000, всего – 30 000 хозяйств [12]. Районами выхода переселенцев были определены: Ивановская обл. – 2000, Западная – 3000, Татарская АССР – 3000, Горьковский край – 6000, Воронежская обл. – 4500, Курская – 10 000, демобилизованные красноармейцы из разных областей – 1500, всего – 30 000 хозяйств [12].

На 1937 год планировалось переселить 18 500 хозяйств: ДВК – 2000, Восточная Сибирь – 3000, Казахская АССР – 1000, Оренбургская обл. – 2000, Красноярский край – 3000, Таджикистан (ВАХША) – 5000, Закавказская СФСР (Колхида) – 500, Биробиджан – 1000, др. края (цыган) – 1000, всего – 18 500 хозяйств [12].

Работа ВПК СССР активизировалась после перевода в ведомство НКВД СССР. По приказу № 300 от 6 августа 1936 года заместителю начальника УНКВД по Казахской АССР майору государственной безопасности Володько приказывалось исследовать и доложить о свободных землях по всем областям Казахстана для проведения переселенческих мероприятий [12].

Руководством страны в 1936 году было принято решение расширить посевы хлопка, сахарной свеклы, табака. В связи с этим в районы Южно-Казахстанской и Алма-Атинской областей планировалось вселение до 18 000 семейств. По постановлению правительства в 1937 году из Украины в Казахскую АССР предписывалось переселить 15 000 хозяйств, однако Госпланом СССР из-за отсутствия финансов, жилого фонда и строительного

материала планировалось переселить только 1000 хозяйств из Воронежской области [12].

В ноябре 1936 года по Казахской АССР свободные земли составляли 3 088 000 га, из них пригодных для сельского хозяйства – 1154 000 га [12]. В большинстве районов Казахстана отсутствовали открытые пресные водоемы, и залегание пресных грунтовых вод находится на глубине 60–100 м, земельные фонды расположены на значительном расстоянии от административных центров и железнодорожных станций. Наличие этих факторов было крайне затруднительно не только для развития сельского хозяйства, но и для организации мясомолочных совхозов, не требующих большого количества пресной воды.

В Восточно-Казахстанской области свободные земли также находились вдали (70–300 км) от пристанционных пунктов и расположены в зоне светло-каштановых, бесструктурных почв. Освоение этих фондов было крайне затруднительно из-за суровых климатических условий, бедности почв, отсутствия пресной воды. Иными словами, инспектора предупреждали Центр о том, что все эти районы фактически не пригодны для жизнедеятельности людей.

Казахские руководители УНКВД представили ориентировочные расчеты расселения переселенцев. Так, в Северо-Казахстанской области:

- а) 7210 хозяйств – на освоение свободных фондов;
- б) 8000 – доприселить в колхозы;
- в) 15 000 – распределить земли совхозов.

Итого: 30 210 хозяйств.

По Карагандинской области:

- а) 7000 хозяйств – на освоение свободных фондов;
- б) 3000 – доприселить в колхозы.

Итого: 10 000 хозяйств.

Также в документе отмечалось, что жилого фонда фактически не имеется, а если имеется, то он требует капитального ремонта. Основными

направлениями хозяйств переселенцев по Северо-Казахстанской области были определены как зерновое и зерно-животноводческое, а по Карагандинской – животноводческо-зерновое и животноводческое. Главной проблемой оставалась организация мелиоративных и ирригационных работ. В итоге Центр был информирован о том, что в двух областях Казахстана можно расселить 40 210 хозяйств, остальные районы предстоят дальнейшему обследованию.

Таким образом, политика переселений советского народа в различные регионы страны была неотъемлемой частью государственной национальной политики 1920 – 1950 годов. Плановое переселение не дало ожидаемого результата, прежде всего, из-за необдуманных решений, рассчитанных на переселение самых бедных слоев населения. Большая часть переселенцев не приживалась на новых местах, затраты не восполнялись трудовыми резервами, экономика страны не получила прогнозируемого результата от переселенческой политики.

На основании постановления ЦИК и СНК СССР от 10 июня 1936 года дела ВПК при СНК СССР были переданы руководству ГУЛАГ НКВД. В акте о приеме дел ВПК при СНК СССР содержался отчет о проделанной работе за период с 1933 по июль 1936 года. За это время ВПК переселил 65 700 хозяйств, из этого числа вернулось обратно 37 528 хозяйств (57 % переселенцев). На местах вселения осталось 28 183 хозяйства (43 %) [9].

Переселенческий процесс затронул и советских корейцев. Вопрос о расселении корейцев был поставлен в апреле 1928 г. на заседании СТО СССР. Они были включены в годовой план переселения. Корейцы как трудовой ресурс переселялись по профессиональному признаку и были заняты в угольных шахтах, на золотодобыче, рудниках и сельском хозяйстве. Корейские артели трудились в Мурманской, Тульской, Ойротской, Северо-Кавказском крае, а также в Казахской АССР, Узбекской ССР и Киргизской АССР.

Весной 1933 г. по инициативе комфракции корейской секции Московского интерклуба политэмигрантов им. Загорского под руководством Сен Чидюна была организована сельскохозяйственная коммуна по рисосеянию в Славянском районе Азово-Черноморского края из 100 семейств, исключительно из корейцев-рабочих, в прошлом бывших крестьян. В 1934 г. корейская артель им. Димитрова Ивановской МТС получила первый и немалый урожай риса. Судьба этой группы корейцев трагична, в декабре 1937 г. работоспособные мужчины – 69 корейцев в одну ночь были арестованы по обвинению в шпионаже в пользу Японии, из них 59 – приговорены к ВМН – расстрелу.

В 1936 году после перевода ВПК СССР в Переселенческий отдел при Главном Управлении лагерей НКВД СССР (ГУЛАГ НКВД СССР) эта политика принимает формы насилия и принуждения по отношению ко всем народам Союза СССР.

Принудительное переселение корейцев с территории Дальнего Востока в Среднюю Азию и Казахстан.

Осенью 1937 года корейцы в принудительном порядке были переселены в Центральную Азию. Эта акция не была неожиданной, она тщательно планировалась, была строго засекречена, в высших эшелонах власти, куда входили и корейцы, знали, что идет подготовка. Поводом послужило нападение Японии на Китай 7 июля 1937 года.

Фактически судьба корейцев была решена задолго до 1937 года, она была изначально связана с внешнеполитическим фактором в отношениях между Россией и Японией. Корейцы были приняты в русский мир с начала их переселения и русские власти несмотря на жесткие требования японцев, вернуть всех корейцев ни при царской России, ни при И.В. Сталине не собирались отказываться от трудолюбивого населения, более того, прилагали

все усилия для скорейшей ассимиляции в русскую культуру, чтобы закрыть вопрос о возвращении на родину.

Страницы истории констатируют, что в атмосфере переселения корейцы жили многие годы, на добровольное переселение мало кто решался, хотя к 1937 году более 13 тыс. человек проживали на территории РСФСР вне Приморского края [13].

Исходя из вышеизложенного возникают следующие вопросы:

С точки зрения защиты государственных интересов пограничных пространств, была ли хоть малейшая возможность остаться корейцам на Дальнем Востоке?

Что могло служить альтернативой в решении проблемы политической стабильности в непосредственной близости к государственной границе на Дальнем Востоке?

А если бы остались корейцы в Приморье, то как бы сложилась их судьба?

Библиография

1. АВПРИ. Ф. СПб.ГА, I-9. Оп. 8, 1870 г. Д. 25. Л. 13–14. Подлинник.
Рус. яз.
2. АВПРИ. Ф. СПб.ГА, I-9. Оп. 8, 1870 г. Д. 25. Л. 37–38. Подлинник.
Рус. яз.
3. ГАРФ. Ф. Р. 3316, оп. 2, д. 1073, л. 21.
4. Народы Дальнего Востока СССР в XVII – XX вв.: Историко-этнографические очерки. Кол. авт. М., 1985. С. 69.
5. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. 2. Т. 36.
Отделение 1-е. 1861. От № 36490-37190. СПб., 1863. № 36928. С. 682.
6. РГАЭ. Ф. 5675, оп. 1, д. 1. Собрание узаконений и распоряжений рабочих и крестьянского правительства. 1925. № 49. С. 371.
7. РГАЭ. Ф. 5675, оп. 1, д. 1. Собрание узаконений и распоряжений рабочих и крестьянского правительства. 1925. № 49. С. 371.

8. РГАЭ. Ф. 5675, оп. 1, д. 165, л. 2 – 67.
9. РГАЭ. Ф. 5675, оп. 1, д. 165, л. 47.
10. РГАЭ. Ф. 5675, оп. 1, д. 2, 3, 4.
- 11.РГАЭ. Ф. 5675, оп. 1, д. 36, л. 35.
- 12.РГАЭ. Ф. 5675, оп. 1, д. 7, л. 33.
- 13.РГАЭ. Ф. 7486, оп. 19, д. 102, л. 52.
- 14.*РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 325. Л. 12–12об. Подлинник. Рукопись.*
- 15.*РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6104. Л. 7–8об. Подлинник. Машинопись.*
- 16.РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 302. Л. 96–102. Подлинник.
Машинопись.
- 17.*РГИА ДВ. Ф.87. Оп 1. Д. 278. Л. 50–54 об. Заверенная копия.
Рукопись.*
- 18.*Сон Ж.Г. Этапы трансформации национальной идентичности
русскоязычной корейской общности в СССР и России (1926 – 2010 гг.)
// Новые тенденции социокультурных изменений в корейском и
российском обществах / Отв. ред. Р.К. Тангалычева, В.В. Козловский.
СПб.: Скифия-принт, 2015. С. 55 – 71.*
- 19.Тихоокеанская звезда. 23 октября, 12 ноября 1930; Там же. 17 января, 7
февраля, 8 февраля, 29 марта 1931 и др.
20. Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. С. 91.